

—

Шэнь Гуанчу ежегодно отвечал за сбор налогов в деревне Линьшуй, и его наметанный глаз в определении размеров ткани мог поспорить с глазом приказчика в лавке тканей. Лишь развернув полотно и бегло его осмотрев, он передал его Шэнь Яньчжи, который помогал вести учет:

— Запиши на семью Хуайчжи.

— Понял, отец.

Шэнь Хуайчжи, видя, что они всё еще заняты, сам вызвался помочь с записями, а Шэнь Яньчжи тем временем освободился и отправился вместе с несколькими дядями поторопить остальных.

В этом году сбор налогов начался слишком внезапно. Хотя никто в деревне не осмеливался уклоняться, ткачество требовало огромных затрат времени и сил. У многих попросту «сердце желало, да руки не успевали». К тому же, пока была хоть малейшая возможность, никто не хотел платить монетами, поэтому сейчас многие семьи работали в спешке, стараясь закончить полотно в последний момент.

Все они были соседями и односельчанами, поэтому Шэнь Гуанчу не хотел никого притеснять. Он готов был ждать столько, сколько возможно, но вот уже начало смеркаться, а семь или восемь дворов всё еще не сдали свою долю. Ему ничего не оставалось, кроме как снова отправить Яньчжи поторопить их — до темноты всё должно быть собрано.

Уездный город находился на приличном расстоянии от деревни Линьшуй. Завтра нужно было выйти еще затемно, чтобы встретиться в ближайшем городке с обозами из соседних деревень и вместе отправиться в путь. Если они опоздают и остальные придут в управу раньше, люди из уездной управы могут сделать в своих записях нехорошую пометку о деревне Линьшуй.

Шэнь Хуайчжи проработал вместе со всеми больше часа и только тогда вернулся домой. К тому времени уже совсем стемнело. Все в семье Шэнь уже спали, и только в комнате Линь Юэ всё еще теплился огонек свечи. Шэнь Хуайчжи вошел очень тихо, не потревожив Линь Юэ, который дремал, прислонившись к изголовью кровати.

Лишь когда Шэнь Хуайчжи умылся и лег в постель, Линь Юэ открыл глаза и сонно пробормотал:

— Почему так поздно? Всё еще не собрали?

Шэнь Хуайчжи понизил голос:

— Всё собрали. Только три семьи так и не успели доткать, пришлось им собирать деньги для уплаты.

Линь Юэ еще плохо знал односельчан, так что любопытства не проявил. Он зевнул, улегся поудобнее и велел мужу скорее засыпать:

— Ложись быстрее, а то завтра встать не сможешь.

Ночь прошла спокойно.

На следующее утро, когда Шэнь Хуайчжи уже встал, Линь Юэ окликнул его:

— Совсем забыл вчера сказать... Если сегодня в уезде выкроишь минутку, посмотри в кондитерских и лавках с едой, нет ли там каких-нибудь диковинных новинок.

Шэнь Хуайчжи изначально планировал купить Линь Юэ в подарок какую-нибудь шпильку или шелковый цветок, но раз Линь Юэ сам попросил о другом, он, конечно, не стал отказываться.

В последнее время, чтобы сосредоточиться на учебе, он брал мало заказов на переписку книг. В книжной лавке в городе он взял всего два свитка канонических текстов и сегодня как раз должен был их сдать. За тридцать с лишним тысяч иероглифов он должен был получить около четырехсот вэней — этого должно было хватить.

Шэнь Хуайчжи уточнил:

— Есть что-то конкретное, что ты хочешь попробовать? Или, может, какие-то предпочтения в сладостях и сухофруктах? Если нет, я выберу на свой вкус, хорошо?

Линь Юэ растерялся от такого вопроса и мотнул головой:

— Зачем покупать? Я просто хотел, чтобы ты посмотрел, что там продают. Я подумываю о том, чтобы поставить в городке лоток и торговать какой-нибудь едой.

Вспомнив, что крем для лица, который Шэнь Хуайчжи подарил ему перед свадьбой, был недешевым, Линь Юэ снова наказал:

— Ничего не покупай. Просто будь осторожен в пути и возвращайся целым и невредимым.

Шэнь Хуайчжи ничего не ответил. Раз уж выпал случай поехать в уезд, как можно было вернуться с пустыми руками? Но под пристальным, горящим взглядом Линь Юэ ему оставалось только неопределенно кивнуть.

«Как поймешь вкус, если не попробуешь? — подумал он. — Лучше всё-таки купить и дать Линь Юэ отведать, тогда и идей для торговли будет больше».

Чтобы староста и остальные долго не ждали, Шэнь Хуайчжи собрал свитки, сухой паек, прихватил чистый мешочек из рами и размашистым шагом вышел со двора.

И верно, Шэнь Гуанчу со своим сыном Шэнь Яньчжи уже ждали у въезда в деревню. Увидев его, Яньчжи радушно поприветствовал:

— Хуайчжи, ты позавтракал? Если нет, у нас есть с собой припасы, давай поедим вместе.

От деревни Линьшуй до уездного города было несколько десятков ли. Путь туда и обратно, даже если идти быстро, занимал целый день. А если в управе придется задержаться, то, чего доброго, домой удастся вернуться только на следующий день.

К тому же, город они знали плохо, и найти там лавку, где можно было бы поесть сытно и недорого, было непросто, поэтому лучше было запастись своей едой.

Шэнь Хуайчжи сложил руки в приветствии перед старостой:

— Дядя Гуан. — Затем он повернулся к Шэнь Яньчжи: — Спасибо, двоюродный брат, у меня есть еда с собой.

Яньчжи открыто рассмеялся:

— Ну и ладно, тогда потом обменяемся гостинцами.

Пока они разговаривали, подошли и остальные. Один был пожилым мужчиной с седеющими волосами и бородой — ему уже перевалило за пятьдесят, но он был бодр духом и в крестьянском труде ни в чем не уступал молодым. По иерархии он приходился Шэнь Хуайчжи двоюродным дедушкой и шел в качестве старейшины рода для свидетельства. Другой был мужчиной средних лет по фамилии Чжоу — он представлял интересы других семей деревни Линьшуй, не носящих фамилию Шэнь.

Когда все были в сборе, группа отправилась в путь на воловьем повозке.

Примерно через четверть часа люди из Линьшуй добрались до площади у ворот соседнего городка. Они прибыли рано: на месте были только люди из самого городка да из ближайшей деревни Таохуа. Деревни Юйшуй, Цинси, Лицзя и Цинхэ еще не показались, а до назначенного времени оставалось еще полчаса.

Шэнь Хуайчжи, помня о свитках за пазухой, отпросился у Шэнь Гуанчу:

— Дядя Гуан, мне нужно зайти в книжную лавку в городке по личному делу. Я вернусь примерно через один кэ (~15 минут).

Городок Сыфан был маленьким, и книжная лавка находилась совсем недалеко от ворот. Шэнь Гуанчу махнул рукой:

— Иди, только возвращайся скорее.

Шэнь Хуайчжи кивнул и широким шагом направился в сторону городка.

Книжная лавка в городке, строго говоря, была скорее лавкой мелочей. Её хозяин, господин Лю, обладал деловой хваткой: он привозил из уезда недорогие кисти, тушь, бумагу и тушечницы для местных ученых людей, и дела у него шли неплохо. Шэнь Хуайчжи был его старым знакомым, они сотрудничали уже три-четыре года, так что и в этот раз он без проблем сдал работу.

Лавочник Лю достал из-за прилавка четыре связки монет по сто вэней каждая и добавил еще пятнадцать монет сверху.

— Книжник Шэнь, пересчитайте, пожалуйста. Товар принят, деньги отданы.

Шэнь Хуайчжи не стал церемониться и быстро пересчитал монеты на прилавке.

— Благодарю, господин лавочник, сумма верна, — глухим голосом ответил он.

Лавочник Лю погладил бороду и с улыбкой спросил:

— Господин Шэнь, не желаете взять новый заказ на переписку?

Поскольку городок был маленьким, работы по переписке было немного. В прошлые годы Шэнь Хуайчжи брался за всё — и за каноны, и за повести; в год удавалось получить заказы пять-

шесть раз. Иногда, если в книге было много знаков, можно было заработать четыре-пять лян серебра, а когда мало — и двух лян не выходило. К этому добавлялись несколько вэней за написание или чтение писем для односельчан.

В этом году, готовясь к экзаменам, Шэнь Хуайчжи от многого отказывался, берясь только за «Четверокнижие» и «Пятиканоние». Поэтому за текущий год он брал заказы всего дважды. И то лавочник отдавал работу именно ему, ценя его каллиграфический, аккуратный почерк. Он и не ожидал, что сегодня снова найдется работа.

Шэнь Хуайчжи тут же кивнул:

— Благодарю, что помните обо мне. Что именно нужно переписать и каков срок сдачи?

Лавочник Лю не стал тянуть:

— Господин Ван из нашего города хочет собрать для приданого своему геру полный комплект «Четверокнижия». Он слышал от господина Яна, что тот купил у меня один такой набор — с ровным, каллиграфическим и твердым почерком — вот и сам захотел такой же. Рукопись должна быть сдана не позднее начала зимы.

Тут Шэнь Хуайчжи всё понял: тот набор для господина Яна как раз переписывал он, поэтому заказ снова пришел к нему.

В «Четверокнижии» чуть больше ста тысяч иероглифов. Если работать не покладая рук каждый день, можно закончить меньше чем за два месяца. До начала зимы оставалось еще четыре месяца, так что Шэнь Хуайчжи успел бы всё закончить даже после экзаменов. Он согласился:

— Я берусь за эту работу. Только сегодня у меня есть дела, могу ли я зайти за свитками завтра?

Да, для переписки лавка предоставляла чистую бумагу, а писец должен был иметь свои кисти и тушь.

Лавочник Лю, конечно, согласился:

— Разумеется. Тогда завтра и подпишем договор.

Шэнь Хуайчжи снова сложил руки в поклоне, благодаря хозяина, и вышел на улицу.

Возле лавки было шумно. Шэнь Хуайчжи хотел было обойти толпу, но, бросив мимолетный взгляд, понял, что зачинщиком беспорядка был его знакомый. Ноги его сами собой остановились.

— Чэнь-гер! Ты же обещал, что выйдешь за меня! Мы виделись всего несколько дней назад, как же вышло, что сегодня ты выходишь за другого? Ты скрыл это от меня... Неужели отец принудил тебя? Чэнь-гер!..

Мужчина, кричавший перед воротами богатого дома, был одет в длинный халат — одежду ученого человека. Шэнь Хуайчжи с первого взгляда узнал в нем своего соученика, того самого Шан Вэньчэна, который расторг помолвку с Линь Юэ.

Шан Вэньчэна сдерживали у дверей двое слуг. На пороге стоял мужчина средних лет —

вероятно, управляющий этого дома. Он осыпал Шана бранью:

— Тьфу на тебя! У нашего молодого господина сегодня свадьба, великий день, а ты, невесть откуда взявшаяся жаба, смеешь порочить его репутацию! Ты что же, думаешь, в семье Ян некому тебя поколотить?

Шан Вэньчэн, едва появившись, сразу же во всеуслышание выкрикнул имя гера из семьи Ян. Если бы не это, слуги давно бы заткнули ему рот и утащили прочь, и управляющему не пришлось бы выходить и вступать с ним в споры.

—

<http://bllate.org/book/17206/1614972>